

Дарья Дэф

Сказки

Дарья Дэф

Сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42807944

ISBN 978-5-4496-9305-1

Аннотация

Сказки любит каждый. Особенно, если они написаны с душой, если погружают в волшебный мир, где всё и всегда складывается как нельзя лучше. Таинственный северный Гандвик, лесной Варлахти, Медведица, спустившаяся со звёздного неба, любимые игрушки из детства – вот с кем взаимодействуют герои сказок автора. А ещё маленьких читателей ждёт Чёрный Кот, который поделится с ними народной мудростью.

Содержание

Засиверка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сказки

Дарья Дэф

Оформление обложки Дарья Евгеньевна Подчуфарова

© Дарья Дэф, 2019

ISBN 978-5-4496-9305-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Засиверка

северная сказка

Не сможет, наверное, полюбить Русский Север тот, кто здесь не родился. Один скажет: «Холод лютый», другой заметит: «Бесплодная земля», третий согласится: «Тоскливый край». И только тот, кто здесь вырос, выскажется иначе. Родная земля, какая б она ни была, всегда остаётся милой сердцу, духовно богатой и полной загадок.

Для маленькой Ольки север был родной землёй. И случилась на той земле с ней небывалая доселе история.

От трезвона в дверь она скрылась за тумбочкой в углу кухни. Девочка в растерянности слушала отчаянные прыжки сердца у себя в груди и думала, что ей теперь делать.

– Оля! Дед Мороз к тебе пришёл! – весело позвала мама и открыла входную дверь.

Это-то и пугало. Ольке жутко не хотелось выходить из укрытия. Что сейчас будет? что говорить надо? Как себя вести? Оля в панике прижалась к тумбочке, но, сообразив, что через минуту её будут искать и она поставит всех в глу-

пое положение, тихонько выползла.

«Мне пять, – думала девочка, уставившись в пол большими тёмными глазами, – что обычно делают дети в этом возрасте? Надо, наверное, просто прочитать стихотворение и взять подарок, если Дед Мороз подарит. Какое читать? Я нового не знаю ничего... Ладно, пусть будет, как в прошлый раз, буря мглою небо кроет...»

Олька робко прочла давно осевшего в памяти Пушкина и посмотрела на гостя. Тот пытался изображать восторг, но у него плохо получалось. Жаль, что теперь Новый год, а то можно было бы удивить Деда Мороза «Айболитом» или «Мойдодыром», которые Олька рассказывала всем с полутора лет. Взгляд упал на серый воротник свитера, торчащий из-под шубы Деда Мороза, и Олька тут же поняла, что в красной шубе скрывается их сосед дядя Коля. Такой свитер был только у него.

Издавать радостные визги Олька не стала. Такое было не по ней. Только молча смотрела на посетителя большими серьёзными глазами.

– Подойди-ка за подарком, – крикнул дядя Коля и достал большой мешок, на дне которого явно что-то было. – Какой ты хочешь подарок?

– Волшебную палочку, – тихо заявила Олька и с надеждой посмотрела на гостя.

Дядю Колю это почему-то озадачило. Он на мгновение замолчал, хмыкнул и сказал:

– Даких таких подарков нет у меня. Но в следующем году, авось, уж будет! А пока выбери себе подарок здесь. Ну-ка, залезь рукой в мешок, что там?

Олька угрюмо опустила руку в красный мешок, и длинные тёмно-каштановые волосы сползли на плечо. Она не хотела другого подарка, и ей было всё равно, что там внутри.

Когда Дед Мороз скрылся за дверью, Олька повертела новую игрушку в руках, подошла к маме и спросила:

– Ведь это был дядя Коля? у него свитер такой же...

Мама немного смутилась и рассмеялась, что подтвердило догадку.

«Почему люди такие? – постоянно спрашивала себя Олька и только печально вздыхала. – Зачем они притворяются? Они думают, что это весело? зачем они играют в эти дурац-

кие игры? И неужели нигде на земле нет волшебной палочки? Как же я буду жить, если её нет?..»

Олька пошла к своему другу, мягкому оранжевому зайцу Степашке. Его она любила больше всех, и иногда говорила с ним. Мама уверяла Ольку, что это Степан приносит ей подарки на Новый год из леса, и Олька верила, потому что каждый год под ёлкой видела Стёпу с кулем подарков.

– Стёпа, я не могу здесь находиться! – шептала Олька в белое длинное ухо. – Люди странные какие-то. Мельтешат, визжат, корчат рожи... Детей не понимаю. Почему они балуются, ломают всё? И я, наверное, странная для них.

Олька в отчаянии смотрела на Степана, а тот был добродушен и спокоен, и, кажется, понимал. Только зачем-то показывал язык.

– Меня кто-то посадил сюда, на эту землю. Бросили. Не знаю, кто и как. Мне здесь не нравится. Я нормальная? Только не говори никому! Я другая какая-то, понимаешь?

Степан понимал.

Днями Олька слушала детские пластинки одну за другой, собирала цветную мозаику на полу и мечтала о волшебной

палочке. Ещё она часто стояла у холодного зимнего окна и смотрела на свой город. Вот девятиэтажки погружаются в синеву хмурых сумерек, включают жёлтые свои глаза – и на душе топчется холодок. А вот тот же двор, но уже укутан в чёрную ледяную ночь и искристый от света фонарей снег. В эти моменты Ольке становилось грустно, и она сама не понимала, от чего. Но именно по этим картинам она скучала, когда уезжала к бабушке на юг. Скучала по своим лоснящимся пимам с замшевыми аппликациями, по вкусной северной рыбке, грибному супчику и хрустящему искрящемуся снегу.

А больше всего Олька обожала истории про призраков, оборотней и Бабок Ёжек. Когда к маме приходили гости, девочка любила садиться с ними и молча слушать разговоры. Но её часто выгоняли, и тогда Олька ещё больше погружалась в тоску.

Однажды осенью, когда Ольке шёл седьмой год, они отправились с мамой в лес за грибами. Их привёз служебный автобус вместе с мамиными коллегами. Все разбрелись, и Олька с матерью отстали от группы.

Поначалу ходили, бойко собирали обабки да ягоды. Заглядывали за жёлто-красные кусты, чавкали по болоту. Промозглый северный лес никогда не был приветливым и уютным. То мёрзли руки, то промокали ноги, несмотря на вы-

сокие резиновые сапоги. А уж как краснели носы грибников над их высокими воротниками!

Тут вдруг мать с дочерью поняли, что вокруг тишина. Заблудились. Глянули туда-сюда: нет никого, только один озябший лес и колючие ветки.

– Мы что, правда заблудились? – спросила Олька.

– Похоже, что правда... – ответила тревожно мама. – Так, айда прислушаемся. Где-то рядом должна быть дорога, значит, машины услышим.

Они затихли. Нет, кроме лёгкого треска веток и шороха кружащих листьев, не было ни звука. Мать с дочерью бродили то в одну сторону, то в другую без малого семь часов, то и дело прислушиваясь на привалах. Тяжёлую плетёнку с грибами бросили, – уже было не до неё. Олька молча волокла малиновый термос и плелась вслед за матерью, погружённая в свои мысли о волшебной палочке.

На очередном привале мама попросила Ольку поменять мокрые носки. Девочка села на скользкое бревно и, кряхтя, потянула с ноги сапог. Это было не так-то просто! Ноги будто окаменели. Олька перевела дух, отхлебнула горячего чая из пластмассовой крышки и вдруг увидела посреди мокрого зелёного мха очередную клюковку. Та была такая крепкая

и яркая, что Оляка потянулась за ней. Только она ухватилась за стылую ягоду, как кто-то громко чихнул. Девочка вздрогнула и потянула ягоду снова. Глядь – а вместо ягоды Оляка вытянула из болота своего зайца Степана. То была не клюква, то был его нос. Стёпа выполз из сырого мха и отряхнулся.

– Стёпа! Как ты здесь оказался?! – обомлела Оляка и уставилась на оранжевую игрушку, которая теперь больше напоминала героя из сказок.

– Как да как? – пробурчал Степан. – Тебе же за подарком пришёл. Поди Новый год скоро, вот и брожу тут, рыскаю подарок. Ныне вот ты меня с гремучего ручья вытащила.

– Дак Новый год-то нескоро ещё! Видишь – осень на дворе.

– А как говорят: ты не спешай, да поторапливайся. Думаешь, так легко подарки твои достаются? Пол-леса надо исходить, под каждый куст заглянуть, всякое дерево обскакать.

– А как говорят: ты не спешай, да поторапливайся. Коли не ко время раздобуду дары, ты ж сама на меня слёзы ронять бушь. Уж скокма их моя шубейка вытерла! Охо-хо-хо...

Степан присел рядом с Олякой на промокшее бревно

и принялся выжимать воду с ушей.

– Так-то да... – глазела на своего друга Олька, – но я не знала, что ты разговариваешь!

– Ешшо как! Токма мы с тобой нынче, Засиверка, в ином мире.

– Кто такая эта Засиверка? И в каком мире? – Олька тут рот открыла от изумленья.

– Засиверка – энто ты. Я так тебя назвал. Примороженная ты немного что ли. А мир этот волшебный. Глянь: какой я для тебя батожок сыскал! Ажно до Карельского берега бегал.

И Степан выудил из-за спины корявую палочку с сучком. Вроде б как обычное древко, да больно сухое для этих двинских лесов-то.

– Ой, что это такое? – улыбнулась Олька и взяла подарок.

– Энто не простой батожок, а Беломорский. Окаменелое дерево, значит. Много тышш годов энтому диву. Молвят, вроде там дух северных рек таится. А знашь, что он умеет?

Засиверка старалась дышать тише, чтоб не пропустить

ни единого слова Стёпки. Смотрела во все глаза и слушала во все уши.

– Могёшь спрашивать его о чём хошь, и бросать наземь. Ежели сучком вверх упадёт, значит, добро. А ежели вниз сучком – тогда отказ. Как вишь, отвечать батожок могёт токма «да» али «нет». Дак ты сама меня о чудушке просила ведь, всё в уме водила.

Обрадовалась Засиверка, засияли её чёрные глазёнки, принялась она обнимать да целовать друга своего оранжевого. Чуть не задушила.

– Ладно тебе баламонить, – замахал лапами Степан, – а первой испытай подарочек мой. Токма к Новому-то году уж ничего не проси. Не пойду взадь.

– Дак я поняла, Стёпка! Спасибо, дорогой мой.

Засиверка поднялась с бревна, ухватила Беломорский батожок двумя ручонками и загадывает: «Выберемся ли мы с мамой из этого леса?» Кинула перед собой батожок, а тот и упал, да вверх сучком.

– Нынче ворочаться нам пора, – сказал Степашка. – Су-мрак приходит, надо успевать, покуда Лесное Око не закры-

лось.

– Какое ещё око? – удивилась Засиверка.

– Лесное Око, Хозяин леса Варлахти через него смотрит. И решает, кого впускать, кого выпускать. Коль опоздать, всю ночь блуждать здесь придётся.

Едва сказал это Степан, как тут же и растаял. И Засиверка услышала, как зовёт её мать:

– Олька, ты здесь? Чего так долго колупаешься? Опять в прострацию ушла... Ну! Дак поменяла ты носки-то?

– Поменяла...

– Ладно, айда в ту сторону! Бросай свои ветки. Я вроде слышала там шум машин...

Вот вдалеке потянулся смутный гул, и мать с дочерью вышли на трассу. Через километра три пути вдоль дороги забелел знакомый автобус.

С того дня Засиверка по важным вопросам советовалась с батожком. Девочку это веселило и воодушевляло, особенно тем, что батожок не врал никогда.

Однажды в начале зимы Засиверка обнаружила, что Сте-

пашки нигде нет. Встревожилась, чуть не плачет.

«Батожок-батожок, Степашка далеко?» – спросила Засиверка и кинула своего волшебного помощника на пол. Тот упал сучком вверх. Засиверка дальше вопросы задаёт:

«Батожок-батожок, Степашке нужна помощь?» – и вновь батожок упал вверх сучком. Долго ходила в раздумьях девочка, печалилась. На следующий день решила Засиверка идти в лес искать своего мягкого друга. Ничего не сказав маме, она надела свои толстые пимы, застегнула короткую искусственную шубейку и прокралась на студёную улицу. Но куда же идти?

«Батожок-батожок, налево ли до лесу?» Волшебный подсказчик упал сучком вниз.

«Значит, направо», – решила Засиверка, но остановилась. «А может, прямо?» И снова кинула свой оракул наземь. Батожок указал, что прямо идти надо, и Засиверка пошагала. Робко, но прицельно.

На дорогах зеркалила наледь. Жухлые ржавые листья приморозило к асфальту, и оттого они хрустели под ногами. Ветер резко хлестал по лицу отважной путницы, но она не отчаивалась. А пришлось Засиверке идти аж на левый берег,

через большой серый мост, вдоль безучастных машин и грохота поездов. Преодолев железное чудище, Засиверка опять оказалась перед выбором: направо или налево. Эту задачу она решила легко, и устремилась налево.

Долго шла Засиверка, уж день к исходу своему тянулся, воздух становился сизым, малиной в тумане маячил закат, а темнело нынче сразу после обеда. Занервничала девочка, но что поделать – надо идти. Идти по обочине вдоль дороги. Уже и тёмные волосы Засиверки от ветра влажного к щекам налипли, а сзади в сосули длинные сбились. Шерстяная шапка впивалась в лоб, и девочка то и дело тёрла его лохматой варежкой. По левую да по правую сторону лежали поля заснеженные, да лишь изредка ютились среди них небольшие домики и тропки хоженные, измятые. Пахло трассой и кочегаркой. В городе снега-то почти не было: раскатали шины да разнесли людские ноги. А здесь, за городом, зима уж заняла свой трон: всё запорошила. Как захотелось Засиверке зайти в один из этих милых домишек, особенно в такой, который курил, выпуская дымок к небу. До того сердешным он казался сейчас – едва не милее родного подъезда! Но не свернула Засиверка с дороги, упрямо шла к лесу.

И вот уж вдали затемнели ёлки. Да пробираться к ним оказалось непросто: пимы утопали в белоснежной шубе снега, и с каждым шагом Засиверка проваливалась всё глубже

и глубже. Вот сугробы уж до колен поднялись, а вокруг ни тропинки, ни твёрдого настила...

Кое-как добралась Засиверка до первой ёли, обхватила её руками да привалилась рядом. Одно слово – Снегурочка. Но нет, всё ж нет, это была Засиверка. И волос-то у ней тёмный, и ноги-то задубели от налипшего снега, и в тепло-то ей хотелось, как никогда... Нет, определённо не Снегурочка...

Вот уж и сумерки ложатся поверх северных елей, кое-где в полях зажигаются огни-звёздочки, а Степашки сыскать-не сыскать. Глядит впереди себя Засиверка, да лишь глазами моргает. И видит: гнутая ель перед ней треснула пополам и раскололась на две части. Снег с веток поднялся да вскружился, спорошил Засиверку, а у ней аж душа от страха замерла.

Из расщелины той стал великан подниматься. Большой да стройный, словно сосна. У самого руки длинные, мохнатые, чуть не до земли, голова – будто пень рогатый, на нём глазищи зеленью сверкают. То поднялся сам Варлахти, хозяин здешних лесов. Тенью встал над лесом великан, взором цепким охватил округу да впился в путницу малую.

– Это ещё кто такая? – грянул голос с высоты деревьев, и Засиверка прижалась к ёлке.

– Я... я Олька, Засиверка

Девочка не могла поверить, что встретила здесь с самим Варлахти. Про него ходили недобрые сказы, будто лишает он разума путников нахальных, а у иных, жадных до лесных даров, и последнее отнимает.

– Экошь тебя занесло! Одна ты что ли? – прогудел Варлахти.

– Одна, – кивнула Засиверка.

– Гляди-ка, не боится и самого Хозяина Леса! – суровился великан. – И к чему сидишь тут, к чему морозишься?

– Я ищу зайца своего Стёпу. Он потерялся здесь.

– Степан твой без воротиши теперь. То не мои дела – сам Гандвик не пущат его. Беломорье лютует, беснуется: требует взадь батожок волшебный. В нём дух живёт древний. Вроде Водяного, да только мощнее. Без него омелеют реки, вся земля двинская перекосится, не будет ни жизни, ни приладу.

– Так он у меня, батожок этот, с собой! – обрадовалась Засиверка и достала из кармана свою выручалочку. – Что, если вернуть его? Отпустят тогда Степашку?

Задули тут ветра, да полетели снега с небес, тьма-тьмушая спустилась на округу: сама полярная ночь в господство вошла.

– Та кто ж знат? Энто Гандвик решает, у него и вопрошать надобно, – просвистел вликан.

– А где же он, этот Гандвик? – в отчаяньи спросила Засиверка.

– Дак то Белое море само. Хошь – могу спровадить, мне оно не в упряжку. Всё равно таперча до рассвету не пушу тебя на дорогу-то людскую.

– Ладно, – вздохнула Засиверка.

Вдруг издалека донеслось уханье и эхом пролилось над елями. Вот звук совсем близко прокатился, захлопало что-то, вроде кто бельё выбивает. Глянула Засиверка – рядом с ней приземлилась пёстро-серая неясить и снова ухнула. Такая большая, загадкой окутанная, глазищи чёрные в саму душу глядят.

– Даю тебе спровожатого – эту быструю совушку Шушельгу. Вихрем домчит тебя до Двинского залива, а там и к Ганд-

вику докличешься. Неча тебе шататься тут по лесу: волк бы не попал. Съесть не съест, а уж выпугат! Потому хватайся за крепкие лапы Шушельги – и прощевай!

– Прощайте! Спасибо, Варлахти! – улыбнулась Засиверка.

Шушельга хлопнула крыльями над головой девочки, подскочила и на мгновение повисла в воздухе. Засиверка не растерялась – схватила её за лапы, и они вдвоём взметнулись над студёным неподвижным лесом. Обернулась Засиверка, да только и увидела, как исчез мохнатый великан в расщелине, как в сундуке, а ель сомкнулась в себе.

Мрачен родной зимний город. В такую пору люди около печек сидят, байки друг другу рассказывают. Кто-то и козули расписные печёт. Никто носа не кажет из дому. Скука, немогута, смертная тоска снаружи-то. Для них, не для Засиверки. Не того она была покроя. Сейчас она поняла, как это прекрасно – наблюдать, быть вдали ото всего, от мирских дел и даже праздников. А ведь только недавно мечтала притулиться в какой-нибудь избушке, отойти от морозца.

Засиверка продолжала любоваться томными пейзажами, раскачиваясь на лапах неясности. Мимо текли посёлки и селения. Вон там, у гаражей, сбились собаки. Вот башня водонапорная из кирпича. Ох, как близко пронеслась! Жуть

схватила. По соседнему полю тянутся электрические великаны. «Хорошо, что летим мы по этой стороне», – пронесла в мыслях Засиверка. А чуть дальше, во дворах, мужик дровишки порубает. Гляди: и без дублёнки, в одном исподнем! Как холод его не берёт?.. А там что такое? Темнота уж глаза щипет – одни тени мелькают. Да это, кажется, горка. Ребяшня катается. Вон, один санки за собой тащит... Сверху оно всё ж веселее смотреть на мир, чем снег топтать. Да холодно только, зубы ломит.

Неясыть парила над двинскими просторами, изредка взмахивая широкими крыльями. Ночная тишина будто скрывала что в глубине своей суровой, да не выпускала наружу.

А вот уж и они, именитые ворота в Арктику! Смотри-ка, какая даль глубокая, синяя бездна в небеса уходит да со звёздами встречается. Неясно, где море, где небо – всё одно тьма синющая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.